

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ХЛОПЧАБУМАЖНАЯ МАНУФАКТУРА И ЖИЗНЬ СЕЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Упадок полотняной мануфактуры и его причины. История России первой четверти XIX в. характеризуется дальнейшим разложением крепостного хозяйства и ростом капиталистических элементов, особенно в промышленности. Происходил дальнейший процесс отделения промышленности от земледелия, т. е. росло промышленное население за счёт земледельческого. Следствием всего этого был рост внутреннего рынка.

На основе растущего вширь и вглубь внутреннего рынка в первой четверти XIX в. происходил дальнейший рост промышленности. В этот период значительное развитие получила мелкая крестьянская промышленность в центральных губерниях России (Московская, Владимирская, Ярославская, Тверская, Нижегородская), на базе которой возникали и складывались мануфактуры.

О росте промышленности в России говорят следующие цифры. В 1804 г. в обрабатывающей и горной промышленности насчитывалось 225 тысяч рабочих, в 1825 г. их стало свыше 340 тысяч, а в 1860 г. – более 800 тысяч.

Передовой отраслью русской промышленности в это время была хлопчатобумажная: число мануфактур в этой отрасли производства возросло более чем в два раза, а количество рабочих почти в восемь раз.

Здесь раньше всего стал применяться вольнонаёмный труд. В 1825 г. на хлопчатобумажных мануфактурах количество вольнонаёмных рабочих уже составляло 95% к общему числу работающих. В производство постепенно внедрялись машины. В начале XIX в. в России возникла новая отрасль текстильной промышленности – бумагопрядение. Прядильное производство с момента его возникновения развивалось как фабричная индустрия. В ткацком и отделочном производствах ещё преобладали мануфактуры.

Продолжался в это время и промышленный рост Иванова, но в характере его промышленности произошло существенное изменение – переход от льняного к хлопчатобумажному сырью и ситценабивному производству. Это изменение имело тесную связь не только с внутренними условиями России, но и с международными экономическими и политическими отношениями того времени.

В результате промышленного переворота в Англии там стали вырабатывать много дешёвых хлопчатобумажных тканей, которые находили огромный сбыт и стали вытеснять изделия русской полотняной промышленности. Это обстоятельство довольно быстро и с различных сторон отразилось на текстильной промышленности России и, в частности, на промышленности Иванова.

Плотняные мануфактуры Иванова сбывали свою продукцию главным образом на иностранный, в частности, на английский рынок. В новых условиях этот рынок сбыта для плотняной промышленности стал закрываться. На русском рынке шло снижение цен на миткаль с одновременным вздорожанием льняного сырья. В 1799–1800 гг. в селе Иванове аршин деревенского холста стоил 14½ коп. вместо 10½–11–11½ коп.; в 1760–1770 гг. аршин фабричного полотна соответственно стоил 24–34–36 коп. вместо 16–28 коп. Дешёвые сорта фабричного миткаля стоили 19 коп. аршин, т. е. значительно ниже цен на фабричное льняное полотно.¹ Бумажный ситец и полуситец вытесняли льняную ткань.

Положение на рынке особенно осложнилось с изобретением в Англии цилиндрического печатания ситца. В 1796–1797 гг. заграничные ситцы заполнили русский рынок.²

Дешёвая хлопчатобумажная пряжа и ситцы вытесняли на рынках льняную пряжу и ткани. Ивановские предприятия должны были перестроить своё производство, приспособив его к запросам рынка.

Необходимо отметить также действие таможенного тарифа 1797 г. Этот тариф, оставляя без повышения прежнюю пошлину (40%) на европейские и индийские ситцы, полуситцы и выбойку, сильно повышал пошлину на миткаль и значительно затрудняя доступ в Россию иностранных белых полотен, облегчал условия для конкуренции заграничных набивных тканей с таковыми же русской выделки. В 1804 г. московские фабриканты жаловались, что по причине продолжавшегося огромного привоза по сниженным ценам английских товаров выделанные на их фабриках «ситцы, полуситцы, выбойки и платки продажу остановились и состоят теперь на руках фабрикантов на великий капитал в непродаже».³ Это, конечно, голос не только Москвы, но и Иванова.

Начало набивки и выделки бумажных тканей. Под влиянием указанных условий и совершился переход к хлопчатобумажному и ситцевому производству, причём сначала стала вводиться отделка привозных бумажных тканей, а затем возникло местное бумаготкацкое производство.

Начало набивки бумажных тканей в селе Иванове относится к 1770-м гг., когда, наряду с плотняными изделиями, появились выбойка по бухарской бязи и бумажные платки. Это было результатом торговых сношений с востоком через Астрахань. В 1787 г. в Иванове началось тканье бязи из бухарского хлопка. Хотя ткачество льняных изделий издавна велось в Иванове, но тогда не знали ещё обработки бумажной пряжи. Первоначально тканье производилось из льна пополам с бумагой; получалась полубумажная ткань: основа была льняная, а уток бумажный.

Набойка по домашнему холсту.

В период 1788–1795 гг. «фабриканты» М. Гарелин и Е. Грачёв покупали иногда бумажную бязь у московских ткачей-фабрикантов; но, главным образом, покупка бумажной ткани производилась в Петербурге. Покупные бумажные ткани называли английскими, швейцарскими и немецкими. В 1790-е гг. делались попытки ткать из английской пряжи; для ткачества приглашались рабочие из Москвы, так как местных ткачей, умеющих работать на этой пряже, было мало. Окончательное внедрение английской пряжи произошло позднее.⁴ К этому времени благодаря Сокову введена была и усовершенствованная отделка бумажных тканей.

Вследствие изменения характера продукции в производстве возникла новая терминология. Старое название «набойка» употреблялось в применении к набивке простого льняного полотна-холста. В 1790-х гг. начинает употребляться термин – «миткаль» для обозначения всякой белой бумажной ткани, шедшей под набивку. На рубеже XIX в. миткаль в значительном количестве расходился и в некрашеном виде. Набивка по бумажному полотну носила название «выбойки»; набивки по батисту и коленкору назывались «ситцем», от которого отличался «полуситец», бывший не таким тонким и широким (слово «ситец» – индийского происхождения, обозначает пятно, крапинка).⁵ На практике, однако, названия набойки и выбойки смешивались.

К концу XVIII – началу XIX вв. село Иваново стало центром ситценабивного производства. «В конце XVIII в. чуть не всё Иваново обратилось в сплошную мастерскую...

Большинство ивановцев... были набойщиками и резчиками. Ребята также работали в качестве штрифовальщиков, а женщины занимались белкой миткаля и ситца зимой на месте, а летом на лугу около Потока... Такие же «места» были потом по Безыменному ручью... Владельцы мануфактур не довольствовались одним Ивановом, а отдавали миткаль настить и в окрестные селения...»⁶ Документальные данные 1793 г. говорят, что в вотчинах Шереметева, в селе Иваново во многих местах имеются «фабрики» – ситцевые.⁷

На базе мелкого товарного производства набивных тканей в Иваново вырастала ситцевая мануфактура, подобно тому как на базе крестьянского ткачества ранее выросла полотняная мануфактура.

Некоторые так называемые набоечные фабрики Иванова находились в самом начале процесса перехода от ремесла к мануфактуре. Они состояли из одной светёлки с тремя станками да красочной заварки, имея пять ра-

Выбойка по миткалю.

Набойка на миткале.

бочих. Владельцами их были вчерашние мелкие товаропроизводители, ещё только перераставшие в мануфактуристов. По размерам капиталов им доступен был самый дешёвый вид сырья – деревенский холст и производство самых недорогих тканей – набойки. Это было старое, доживавшее свой век производство.

К концу XVIII в., кроме рационального производства ситцев, введённого Соковым, сделаны ещё некоторые усовершенствования. В 1793 г. в Иванове у фабриканта И. Гарелина началось применение купоросного масла (серной кислоты) для белки бумажных тканей.⁸

Какова же была в новых условиях судьба существовавшей в селе Иванове полотняной мануфактуры? Полотняная мануфактура стала перестраиваться на хлопчатобумажное производство. В техническом отношении переход от полотняного ткачества к бумажному особых трудностей не составлял, тем более, что в форме «кустарной» крестьянской промышленности бумажное ткачество в 1790-х гг. имело уже довольно широкое распространение. Документы говорят о переходе полотняных мануфактур села Иванова в конце XVIII в. на бумажное ткачество.

Для снижения стоимости бумажных тканей введена была новая организация производства, удешевлявшая его за счёт низкой оплаты рабочей силы: пряжа стала раздаваться крестьянам на руки для тканья в домашних светёлках из раздаточных контор, т. е. вместе с централизованной мануфактурой, какими были полотняные «фабрики» и оставались отделочные заведения; в бумаготкацком деле устанавливалась децентрализованная мануфактура; домашнему ткачу платилось гораздо меньше, чем ткачу на фабрике.

Рост ситценабивного производства в первой четверти XIX в. Благоприятными условиями для укрепления хлопчатобумажного и ситцевого производства вообще в России, в частности, в селе Иванове были и международные политические отношения начала XIX в. Указ Павла I от 23 декабря 1800 г. о разрыве отношений с Англией, издание которого было своего рода репетицией к введению континентальной блокады, несмотря на кратковременность его действия, парализуя конкуренцию Англии, безусловно стимулировал развитие хлопчатобумажного дела. Насколько такие меры были важны для хлопчатобумажного производства, говорит прошение, представленное в 1804 г. на имя министра внутренних дел Кочубея содержателями ситцевых и миткалевых мануфактур центрального района и в том числе ивановским «фабрикантом» Е. Грачёвым о полном запрещении ввоза иностранных ситцев и об ограничении привоза иностранного миткаля.⁹ В результате континентальной блокады, установленной Наполеоном I для уничтожения английской торговли, к которой присоединилась Россия по Тильзитскому миру 1807 г., хлопчатобумажная промышленность была поставлена в те условия, о которых хлопотали фабриканты в прошении 1804 г. Хлопчатобумажная и ситцевая промышленность в центральном районе, в том числе и в селе Иванове, окончательно утвердилась.

После введения континентальной блокады по-прежнему «более всего употреблялась английская бумажная пряжа, только она называлась бухарской или выработанной на Александровской мануфактуре. На самом деле с 1808 по 1812 г. английская бумажная пряжа привозилась сюда через Пруссию под именем брабантских ниток, которые и очищались пошлиной в таможене, как произведение дружественного государства».¹⁰

Рост ивановских ситценабивных предприятий в начале XIX в. шёл очень быстро. В «ведомости, учинённой Шуйским земским судом о состоящих в селе Иваново с деревянными заводах и фабриках» 1803 г. считалось по селу Иванову принадлежащих крепостным крестьянам 49 предприятий и по окрестным деревням 11, кроме «фабрики» в аренде Е. Грачёва, считавшейся за владельцем села и не вошедшей в общий список. По официальным данным общая сумма производства «фабрик» села Иваново с деревянными в 1802–1803 гг., включая и «фабрику» Грачёва, равнялась 1 051 308 руб.; в действительности эта сумма была значительно выше. Самым крупным предприятием в это время являлась «фабрика», арендованная у владельца села выкупившимся на волю Грачёвым, с производством на 625 000 руб., далее шли «фабрики» крепостных крестьян Ивана Ямановского с производством 7 000 кусков на 121 820 руб. и Мефодия Гарелина с производством 3 950 кусков на 67 950 руб. Сумма производства остальных предприятий определялась от 15 000 до 3 000 руб. и ниже. Из 47 предприятий мануфактур с производством ниже 3 000 руб. было 17, от 3 000 до 5 000 руб. – 12, от 6 000 до 10 000 руб. – 14, от 11 000 до 15 000 – 4.* Кроме Грачёва и Гарелина, у которых отчасти сохранилось ещё полотняное производство, остальные предприятия занимались выработкой ситца, выбойки, набойки, платков бумажных и холщёвых.¹¹

Данные 1808–1810 гг. показывают дальнейший быстрый рост промышленности села, несмотря на то, что вследствие континентальной системы цены на пряжу оставались очень высоки. В селе насчитывалось принадлежавших крепостным крестьянам (кроме Грачёва) «фабрик»** каменных – 20, деревянных – 64. Общая сумма производства доходила до 2 100 000 рублей. «Фабрика» Грачёва, на которой «соткано миткаля и по нём набито ситцев, набойки и платков 18 000 000 шт.», на 1 100 000 руб., по-прежнему оставалась самой крупной из всех. На втором месте стояла «фабрика» крестьянина М. И. Ямановского, производившая миткаль, выбойки, полуситцы, платки,

* Для ориентировки в ценностных показателях за время выпуска ассигнаций, т. е. с 1769 до 1840 гг., когда был установлен обязательный счёт на серебро, приводим данные о курсе ассигнационного рубля в серебряных копейках за годы, отмеченные резким падением этого курса: 1788 г. – 92³/₄ коп., 1791 г. – 81¹/₃ коп., 1794 г. – 68¹/₂ коп., 1798 г. – 62¹/₂ коп., 1800 г. – 66¹/₄ коп., 1803 г. – 79¹/₃ коп., 1807 г. – 53³/₄ коп., 1808 г. – 44²/₃ коп., 1809 г. – 43¹/₃ коп., 1810 г. – 25⁵/₅ коп., 1814 г. – 20 коп., 1817 г. – 25¹/₆ коп., 1819 г. – 26¹/₆ коп., 1832 г. – 27¹/₆ коп., 1833–1843 гг. – 27¹/₄ коп. (Кашкаров. Денежное обращение в России. Т. 1, 1898, стр. 24–26). Это данные Петербургской биржи. На местах были отклонения от этого курса.

См. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. II, стр. 115–116.

** Название «фабрика» продолжаем употреблять с указанной выше оговоркой.

ситец на 225 600 руб. За ними шли предприятия Кубасова и Бабурина с производством на 46 000–49 000 руб. Остальные «фабрики» производили товаров на сумму от 35 000 до 3 000 руб. и ниже. Полотняное производство на фабриках не упоминается уже совершенно. Выделывался и обрабатывался миткаль.¹²

На промышленный рост села Иванова большое влияние оказали события 1812 г., когда во время захвата Москвы Наполеоном была разрушена московская текстильная промышленность. Капиталы росли быстро, техника производства улучшалась. В это время (после 1815 г.) ивановцы усвоили способ тканья с помощью челнока-самолёта и некоторые секреты крашения ситцев прочным заварочным способом.

Были в то время попытки местных людей ввести новизну в рутину производства. Но крепостная обстановка не благоприятствовала проявлению инициативы. Известно имя механика-самоучки Подгоркова. Он первый применил в Иванове водяную силу к галандренью ситцев.¹³

В «Статистическом обозрении состояния Владимирской губернии в 1817 году» так характеризуется ивановская промышленность: «Село Иваново... весьма значительно по своей промышленности, которая превосходит своей торговлей и рукоделиями не только все города сей (т. е. Владимирской) губернии, но и может сравняться с знатнейшими городами, каков есть Ярославль и Калуга, ибо здесь выделывается одних мануфактурных изделий, как-то: миткалю, полотна, ситцу на сумму до 7 миллионов, а торговля оного простирается до 6 миллионов. Село Иваново заключает в себе весьма много полезных ремесленников и художников, коих считается до 5 тысяч. Ивановские торговцы также участвуют на многих знатнейших ярманках, а более на Макарьевской, в которой находится у них и особенный ряд под именем Ивановского, в коем было в нынешнем году различных товаров на сумму до 4 миллионов».¹⁴

Сильным толчком к дальнейшему развитию хлопчатобумажной промышленности Иванова послужило издание в 1822 г. запретительного таможенного тарифа, основы которого держались до 1849 г. По этому тарифу вовсе не допускались к привозу из-за границы ткани льняные (кроме батиста и батистовых платков), хлопчатобумажные, за исключением некоторых наиболее простых, и большая часть шёлковых тканей.

Крупные мануфактуры. В 20-х гг. XIX в. в селе Иванове насчитывалось до 170 набойных заведений, «начиная с главных фабрик, в коих набивается ситец на 150 столах, до последних рабочих покоев с двумя столами».^{14а} Что представляли собою эти «фабрики»? Приведём данные 1816 г. об одном из самых крупных предприятий Иванова – «фабрике» М. Ямановского. Всё предприятие М. Ямановского состояло из 24 строений – каменных и деревянных. В числе этих строений были два каменных трёхэтажных корпуса и один каменный двухэтажный для печатания красок и такой же для клеения и сушки прядёной бумаги, трёхэтажный каменный корпус для сушения

печатных тканей, каменная «галандра», деревянный корпус для беления тканей (беление летом производилось на лугах, зимой химическим способом), кладовые и амбары всякого рода, в том числе для поклажи ткацких инструментов, до десяти зданий для жительства рабочих, баня, колодцы. Ткачество производилось по деревням на 1000 станов. Выпечивалось бумажных «полотен» – ситцев 550 000 арш., полуситцев – 17 000 арш., выбойки – 450 000 арш., платков – 56 000 арш. При отделке употреблялись – крап, краски индиго, чернильные орешки, квасцы, сахар-сатурн, уксус, поташ и др. Всё это приобреталось главным образом в Петербурге и Москве. Дров расходовалось 6 500 сажен. «Рабочих людей» вольнонаёмных на предприятии было: мужчин 1402 человека и женщин 85 человек.¹⁵

Интересны данные о другом крупном предприятии предмашиного периода – «набоешной фабрике» московского 1-й гильдии купца И. Д. Грачёва, которые показывают, как реорганизовалась бывшая полотняная Ивановская мануфактура. В «Ведомости» 1828 г. И. Д. Грачёв даёт следующую историческую справку о предприятии: «Фабрика заведена с дозволения камер-коллегии крестьянином села Иванова Григорием Бутримовым и на привилегию дан от сей коллегии указ при деде нашем Иване Ивановиче Грачёве». «По смерти прадеда нашего в 1761 г. досталось сыну его, а нашему родному деду Ефиму Ивановичу Грачёву, который в 1795 г. у его сиятельства графа Николая Петровича Шереметева получил из крестьян увольнение и записался в московское купечество, и приобретённая и размноженная им фабрика с землёю и людьми от его сиятельства отдана с платежом денег в аренду, которую содержал дед наш 54 года, а с 1815 г. тётка наша родная московская купчиха Варвара Ефимова, дочь Грачёва, 11 лет, по кончине же коей с прошлого 1827 г. я содержу по вновь учинённому условию... Отрабатываются товары в лучшем виде, как в доброту, ровно и прочности не уступая противу немецких». Условие, о котором говорит Грачёв, заключалось в аренде фабрики на семь лет с платой графу Шереметеву по 3500 руб. в год.

«Фабрика» состояла из 27 «строений»: двух каменных корпусов – трёхэтажного и двухэтажного для печатания ситцев и платков, двухэтажной каменной «сновальни», одноэтажной каменной «галандры», каменного корпуса для «клеения бумаги», каменного корпуса для сушения «прядиной» бумаги, каменного корпуса «для тканья бумажных полотен», каменной «мыларни», деревянного корпуса для беления суровых миткалей; «избы для крашения», деревянного корпуса «для крашения печатных», корпуса «для варения красок», деревянной «резной», четырёх домов для жительства рабочих и двух домов для жительства приказчиков и других хозяйственных построек. «Столов – 75, кубов – 14, станов – 550».

«Беление производится летом по лугам, а зимой посредством химической машины».

Работало на предприятии вольнонаёмных мужчин – 550, женщин – 400.¹⁶ Таковы были крупные предприятия мануфактурного типа.

Ситценабивное и бумаготкацкое производства. Основные ситценабивные работы происходили в здании, в котором помещались набойщики. Строилось оно с окнами чуть не со всех сторон, чтобы свету в помещении было как можно более. Наверху устраивались «вешала», по которым двигался миткаль во время набивки. В набойной ставились «столы», или «верстаки». Стол делался в 2¹/₂ арш. длины, 1¹/₂ арш. ширины и 1 арш. 2 вершка и более вышины. На столе лежала горизонтальная, ровно выстроганная доска. Во время работы стол покрывался сукном, на котором ровно и гладко расстилался миткаль, предназначенный к набивке. Возле стола на скамейке помещался «штрифовальный» ящик, в нём находился круг, имеющий обечку, как у сита. В этот круг, обрез, наливали сгущённый крахмал, на него клали клеёнку и затем сукно, которое при помощи кисти покрывалось составом. Форма, или «набивная», иначе «манера», делалась из грушевого или пальмового дерева. При больших формах употреблялась киянка или молоток (чекмарь) для приколачивания к миткалю, а при малых лёгких формах кулак набойщика заменял киянку. Для закрепления краски на ткани и придания ей яркости ситцы заваривали в жидком отваре красителей «крапа, гарансина и морены» в краповых ваннах и горячей воде. Для этого строились особые здания на берегу реки, называемые заварками. Заварка строилась с крышей, но без потолка, с широкой дверью на улицу и узенькой дверью на реку, к мытилке. Здание наполовину заполнялось дровами, остальную часть занимали большие печи с вмазанными сверху котлами. Над котлом помещался «баран», на который накладывали набитый ситец; концы ситца обыкновенно связывались. «Баран» вертели рабочие, так что ситец, положенный на него, представлял собой подобие бесконечного ремня. Ситец обычно сначала «посирили», т. е. заваривали его в жидком растворе коровьего помёта, затем заваривали в красках. Когда находили, что ситец достаточно заварили, его снимали с «барана», и мытильщики отправлялись «смыть» его в мытилку. Мытилка состояла из простого плота или особого здания наподобие портмоен. Потом ситец шёл в сушильню или же на бельник.

Большое, если не главное, значение для набойного производства имела деятельность колориста или «красовара». Место его работ на предприятиях была «красоварка» или фабричная лаборатория. В «красоварке» находились котлы и плиты для варения красок. В секретной комнате, куда вход не всякому был доступен, колорист составлял рецепты, производил пробы и опыты. После 1812 г. в качестве колористов стали появляться иностранцы.

Успех ситценабивного производства во многом зависел от «резчика», приготавливавшего «манеры», для чего при предприятии отводились особые помещения – «резные». От резчика требовались правильность и тщательность приготовления «манеры». Неровность поверхности «манеры», несоблюдение деталей вызывали порчу ситца – неровность цветов, пробелы.

Вначале во всех, а позднее только в мелких предприятиях ситцы набивались по большей части одной манерой, редко двумя и ещё реже тремя

и красились одним колером. Позднее в крупных предприятиях в набивке участвовали группы набойщиков. Были четыре главных группы набойщиков: заводчики, делавшие на миткале первый абрис рисунка (дессейна), грунтовщики, набивавшие грунт (фон ситца), набойщики, работающие красную, жёлтую, фиолетовую и другие краски, и расцветчики, которые окончательно расцветчивали ситцы зелёной и чёрной красками. Таким образом, один и тот же рисунок (дессейн) набивали последовательно несколько набойщиков.¹⁷

Ткачество за небольшими исключениями производилось по деревням. О крупнейшем предприятии Иванова – мануфактуре М. Ямановского в материалах за 1805 г. сообщается, что «для тканья раздавали пряжу больше по деревням, чем ткали на фабрике»¹⁸. Для крупных мануфактур, употреблявших на своих предприятиях миткаль, выработка его производилась в основном через комиссионеров. Комиссионеры получали у фабрикантов на комиссию бумажную пряжу для обработки её в миткаль. Для ткачей у них были свои светёлки на 5–15 и более станов. Средние предприниматели раздавали основы из раздаточной конторы непосредственно «мелочным» ткачам, ткавшим у себя в избах или в особо устроенных светёлках.

Бумажная пряжа в количестве около 10 000 пудов поступала в Иваново от находившейся близ Петербурга Александровской бумагопрядильной мануфактуры; кроме этого, через разных торговцев, покупавших пряжу в Петербурге и выписывавших её из Манчестера, продавалось в Иваново до 100 000 пудов. В 1812 г. шуйский купец В. Киселёв, разбогатевший на спекуляции в связи с разрушением московской промышленности, завёл в Иваново большую торговлю английской пряжей. Пряжа доставлялась из Петербурга в Иваново известным уже водным путём через Неву, Волгу до села Сидоровского и отсюда сухим путём (50 вёрст) в Иваново.

Главными местами сбыта ивановской продукции по-прежнему были Москва и ярмарки: Нижегородская, Ирбитская, Ростовская, Коренная, Харьковская и Роменская. С Нижегородской ярмарки ивановские ситцы в значительном количестве шли в Среднюю Азию и Персию. Украинские ярмарки стали развиваться с начала XIX в. и играли большую роль в ивановской торговле до проведения железных дорог. «На каждой ярмарке, – отмечалось в исследовании об украинских ярмарках, – вы увидите временный, а в некоторых городах постоянный деревянный или каменный ряд лавок под названием Суздальского ряда. Почти все великорусские краснорядцы, торгующие бумажным товаром, в обыденной речи назывались суздалами, а товары их суздальскими».¹⁹

К началу XIX в. относится раннее проявление того процесса, о котором писал В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России»: «...крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д.». «Фабрикантам нужен рынок немед-

ленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны».²⁰

Иваново развивалось, как пункт, экономически подчинявший ближайший район, из которого сюда поступали ткани для отделки, и как один из пунктов русской метрополии, подчинявший окраины государства.

Развитие промышленности вызывало рост торговли. В статье журнала «Московский телеграф» за 1826 г. так описывалась торговля в селе Иваново: «Торговые дни в селе Иваново учреждены по понедельникам, в кои происходит покупка бумажной пряжи... на 50 тысяч рублей и более; в средние на сумму от 20 до 40 тысяч; в слабейшие же торговлею понедельники на сумму от 5 до 10 тысяч рублей. Жители Иванова и крестьяне и крестьянки всей окрестности покупают основу и уток бумажной пряжи ватер и мюль пачками, и ткут в домах своих миткаль, на сих же базарах ими продаваемый, за который, получая от фабрикантов деньги, употребляют на покупку пряжи... Многие купцы из разных губерний приезжают в Иваново за покупкою изделий в самих фабриках и отвозят их в места своего жительства или в те, где торговлю производят».²¹

В 1809–1816 гг. на «полавочный сбор» вокруг Воздвиженской церкви в центре села были выстроены с трёх сторон одноэтажные и с четвёртой двухэтажные торговые здания – 165 каменных лавок, 62 деревянных на каменном фундаменте, 20 палаток каменных, против одноэтажных лавок внизу в овраге была уравнена торговая площадь.

Население и территория села. Территория села сравнительно с прошлым столетием еще более увеличилась. В плане села 1814 г. указано 27 улиц, не считая переулков. Границы шли (приблизительно) с запада от реки Уводи по Ручью Павловскому, с юго-запада по Ильинской улице (современная улица Багаева), крайний южный пункт – конец Панской улицы (в настоящее время ул. Станко), с юго-востока – по Краснопрудной улице, с востока – по 1-й Борисовской ул. (теперь ул. 3-го Интернационала) и по ул. Ленина; река Уводь была северной границей села.²²

По шестой ревизии 1811 г. в селе считалось взрослого населения

2433 мужчин (домохозяев – 830), по седьмой ревизии 1816 г. – 2396 мужчин и 3063 женщины (домохозяев – 1329). В это число не включалось пришлое население, которого в 1817 г. ориентировочно насчитывалось до 5000 человек.²³

С ростом промышленности и населения около села появились слободы. Проводя последовательно эксплуатацию своей вотчины, владелец Иванова «граф Шереметев, – как сообщалось в одной из статей об Иванове, – хотя и позволяет иногородним купцам и мещанам строить дома, фабрики и другие здания на принадлежащей ему земле, но право владеть оными предоставлено им только до тех пор, пока сами они проживают в Иванове. С переходом же их в другие места жительства все строения их поступают в пользу помещика, и выбывающий из села купец или мещанин может продать своё недвижимое имущество только тамошнему крестьянину, а не кому другому. Такое ограничение права собственности побудило купцов и мещан, проживающих в Иванове, приобретать ненаселённые земли у соседних помещиков в полную и безусловную собственность».²⁴ Так, в 1821 г. положено было начать слободе Ильинской (около деревни Воробьево) и в 1828 г. Дмитриевской (современная Рабфаковская ул. и прилегающие к ней местности). Приобретаемые участки застраивались, разрастались.

Резко выраженное уже в прошлом столетии классовое расслоение населения села Иванова ещё более усилилось, что можно охарактеризовать конкретными данными оброчных сборов по селу за 1827 г. Надо заметить, что окладной единицей при сборах в селе Иванове была так называемая «выть», заключающая в себе 50 тягол. По «вытям» производилась раскладка оброчной подати и платежей на разные вотчинные и мирские расходы. В описываемый период оброчных сборов падало на тягло 45 руб. По книге оброчных сборов за 1827 г. плательщиков, несущих менее трёх тягол, было в селе 624, что составляло 84,46%; от трёх до шести тягол – 77, что составляло 10,44%; свыше шести и до 40 тягол – 33, составлявших 4,5%. Это точно очерченные группы бедняков, середняков и капиталистских крестьян.²⁵

Крепостные «фабриканты» и управление села. О богатствах ивановских крепостных «фабрикантов» начала XIX в. говорят многие данные. Вот как характеризуются некоторые из них в «Очередных книгах 1812 года» по рекрутской повинности. У М. Ямановского «земли во владении имеется: пахотной 170 дес. 1734 саж., покосу 12 дес. 864 саж., лесу 55 дес. 252 саж... капиталу, по удостоверению общества, имеет 300 000 руб.» Из семейства Ямановского в 1794 г. «выпущена Михайлова сестра Харитина Иванова в замужество за шуйского купца Ивана Иванова Шилова, а вместо выводной суммы покупной его, Ямановского, работник Алексей Афанасьев с женой и сыном причислены в вотчинные крестьяне. Из того же семейства в 1809 г... выпущена на волю Михайлова дочь Сиглития, для выводу в постороннее замужество, со взятием выводу в казну его сиятельства 10 000 руб...»

У О. В. Гандурина с братьями Иваном и Ермолаем «земли во владении

имеется: пашенной 149 дес. 420 саж., покосу 10 дес. 1920 саж., лесу 49 дес. 360 саж. Капиталу объявил 100 000 руб. Торг имеет в гор. Астрахани и по разным ярмаркам разными товарами, в котором обращается в год 250 000 руб. Из того же семейства в 1809 г... выпущена на волю Иванова дочь девица Харитина для свободного выхода в постороннее замужество, со взысканием в казну его сиятельства суммы 7 000 руб...

В 1807 г. ...взыскано с семейства Гандуриных в очистку рекрут 30 000 руб.»²⁶

Будучи крепостными, ивановские «фабриканты» пользовались свободой гражданских сделок, покупая, продавая, завещая имущество, числившееся, правда формально, за владельцем села, и даже совершая сделки на крепостных людей. Иллюстрацией этого могут служить следующие «поступные письма».

«Лето 1821 г... Шуйской его сиятельства графа Д. Н. Шереметева вотчины села Иванова крестьянская вдова Пелагея Естифеева Гарелина... по доброй нашей воле... поступили мы того же села Иванова деверю моему... крестьянину Мефодию Иванову Гарелину... недвижимое имение... Первое: фабрику... каменную двухэтажную, светёлку; второе: в сельце Спасском крестьян, что окажется по нынешней седьмой ревизии и после оной вновь рождённых мужеска и женска пола, то все без остатку; к оному сельцу принадлежащую пахотную и непахотную землю с лесы и санными покосы... и за всё вышеописанное наше недвижимое со крестьяне имение взяла я, Гарелина, с него, деверя моего Мефодия, денег восемь тысяч рублей... Сие поступное письмо в Ивановском вотчинном правление явлено... пошлинных с 8 000 рублей четырёхста рублей приняты... февраля 3 дня 1822 года».²⁷

Владение крепостными, как и в XVIII в., широко распространено среди ивановских фабрикантов. По данным 1809 г., Ямановский имел 110 собственных крепостных крестьян, Ф. Бутримов – 151 человека; всего же 29 «капиталистых» имели 672 крепостных «души».

Владея крепостными, «фабриканты» усвоили и барские привычки крепостников. В одном из сообщений о Е. И. Грачёве говорилось: «выехавши в бор гулять и кто, не выдавши на гулянье, не снимет против них задалёко шляп, то сажали многих, прогнавши из бору, под караул в чёрную» (арестантскую)²⁸

Давая богачам довольно широкую свободу всякого рода сделок и управления селом, помещик зорко следил за ростом их богатства, соответственно и неуклонно повышая оброк. Богатый крестьянин села Иванова А. Ф. Полушин в своей «Памятной книге» сообщает, что в 1814 г. он платил оброку за два тягла, в 1815 г. за пять тягол, в 1824 г. за восемь тягол и в 1827 г. за десять тягол. Число членов его семьи за этот период времени не изменилось, «оброк, следовательно, – замечает его сын, – увеличился только вследствие увеличения материального достатка».²⁹

В руках ивановских богачей, как и раньше, находилось сельское самоу-

правление – выборные должности и сельский сход. По списку 1825 г. в числе должностных лиц по Иванову указываются – управляющий М. И. Гарелин, «выборный» (судья) А. Ф. Полушин, полицеймейстер И. Д. Козырев, помощник его И. Ф. Коноплянников, сборный староста В. А. Напалков, расходчик В. Дурденевский – все ивановские «фабриканты», державшие в своих руках административную, судебную, хозяйственную и полицейскую власть в селе.

Административный центр села находился в «судной избе», при «приказе», расположенном в начале б. Мельничной (в настоящее время проспект Сталина, в части, примыкающей к площади Революции). Изба была двухэтажная; в первом этаже помещался архив вотчинных дел и «чёрная» (тюрьма), куда сажались арестованные местной властью крестьяне. Второй этаж был занят собственно «приказом», – здесь происходили заседания вотчинного и волостного правления и сборы сходов. В «приказе» размещались – «судейская», где происходили заседания старших членов управления, «сборная», куда являлись просители, канцелярия и «сенная», или «прихожая».

Приказной мост в XIX веке.

Суд и право наказания крестьян, а также полиция являлись сильнейшими средствами, которыми пользовались богачи села. Крестьян наказывали, кроме ареста, розгами, надевали деревянные колодки на ноги, железные наручники на обе кисти рук и высылали на улицы для чистки их, ставя мелком на спине большие кресты. Наказаниям подвергались не только мужчины, но и женщины.

Крепко держались ивановские богачи за то, чтобы в их руках была полиция. В 1817 г. была сделана попытка организовать вотчинную полицию, назначаемую помещиком, с отнесением расхода по содержанию за счёт крестьян. Это вызвало сильнейшее недовольство. Один из кварталных был убит. Через два года полиция опять перешла в руки сельской верхушки.

Полиция всегда была готова придти на помощь «первостатейным» в поддержании крепостнических порядков на предприятиях. В «Арестантской книге» записаны многочисленные факты расправы с рабочими по просьбе фабрикантов. В 1802 г. И. Пустунов «за неявку на грачёвскую фабрику к делу своему розгами наказан». Он же в 1800 г. «за отлучку с фабрики Ямановского розгами наказан». В 1802 г. А. Бакин «за неявку на грачёвскую фабрику

к делу своему розгами наказан». В 1805 г. крестьянин И. Карцев по просьбе хозяина Е. Грачёва «за нехождение к нему на работу розгами наказан».³⁰

По просьбе Ф. Гарелина крестьянин Василий Пономарёв «за пьянство и отлучку от работы содержан под стражей одни сутки, словесно наказан и освобождён с тем, что впредь жить будет добронравно... в рабочие дни всегда находиться на работе, также и хозяина слушаться должен».

Содержались под стражей трое суток по просьбе хозяина их Мефодия Гарелина Стефанида Елистратьева и Лукерья Михайлова «за слушание, противность, непорядочную жизнь, а притом Стефанида за хождение с фабрики его Гарелина в праздничные дни в Иваново для шатания и непристойных дел своевольно».³¹

Большинство ивановских «капиталистских» крестьян принадлежало к расколу, или старообрядчеству. Раскол сравнительно с XVII в. переменял своё лицо, утратил остатки оппозиционности, сделавшись «купеческой верой», которая помогала ивановским «фабрикантам» установить тесные связи с старообрядцами – купцами Поволжья, державшими в своих руках важнейшие торговые пункты в Нижегородском крае и ниже по Волге.

Крупнейший ивановский «фабрикант Ефим Грачёв был деятельным и ревностным столпом раскола.

Одним из приёмов воздействия «фабрикантов»-раскольников на местное население была раздача «милостыни», практиковавшаяся в широких размерах. Собиралась толпа нищих – иногда до тысячи и более человек – обыкновенно в дни так называемых «поминок родителей», и начинался делёж по 10–15 копеек на человека. Копеечными раздачами ивановские фабриканты пытались маскировать своё эксплуататорское лицо – показать себя «благодетелями» ивановской бедноты.

Жестоко эксплуатируя «рабочих людей», «капиталистские» передавали часть барышей в виде всякого рода сборов владельцу села. Но, несмотря на это, они накопили большое состояние и жили в роскоши. «Фабрикант» Грачёв имел большой каменный, в два этажа, крытый железом дом, обнесённый высокой стеной, окружённый всякими хозяйственными постройками: каменные и деревянные «людские», погреба, ледники, кладовые, конюшня, баня, обширный скотный двор с целым рядом построек, огород и фруктовый сад.

«Фабрикант» Ямановский имел лучший в Иваново дом, выездные экипажи, дворовых мальчиков «киргизов» (по тогдашней ивановской моде). Семья Гандуриных занималась скупкой на окраинах – в Украине, в Астрахани, Макарьевской и Ирбитской ярмарках крепостных и продажей девушек с Украины и калмыков богатым крестьянам для услуг.³²

В одной из статей журнала «Московский телеграф» в 1827 г. так описывалась домашняя жизнь ивановских «фабрикантов»: «Побывайте на пирах жителей Иванова... Огромная зала, украшенная мебелью красного дерева, обитая штофною материей и раззолоченная в новейшем вкусе, наполняется жителями села Иванова обоего пола. Везде видите люстры, лампы, бога-

тейшие ковры, горки, уставленные серебряной посудой, драпировку штофную с золотыми кистями и бахромою, богатые зеркала; везде лак, серебро и бронза, и всё в удивительной чистоте. Не только полы, окна и двери, но и лестницы в некоторых домах покрыты лаком; всё это бывает освещено; множество прекрасных молодых женщин, одетых в бархатные и шёлковые платья, сшитые по последнему вкусу теми же мадамами Кузнецкого моста, которые шьют и на лучших московских щеголих...». «В Иванове на угощение ничего не жалеют... Официанты разносят блюда, а хозяева за каждым блюдом подчивают разными винами гостей своих, подавая им сами. Не считая этого подчиванья, пьют за здоровье каждого сидящего за столом и всегда одним шампанским...»³³

Быстрое обогащение ивановских «фабрикантов» и купцов в начале XIX в., вызванное ростом промышленности, некоторые авторы объяснили ещё и широкой работой фальшивомонетчиков. Я. П. Гарелин говорит, что это был «промысел», чрезвычайно развитый здесь и в окрестностях в начале нынешнего (XIX) столетия». ³⁴ Владимирский губернатор (1802–1812 гг.) князь И. М. Долгорукий в своих записках рассказывает об ивановских «фабрикантах», как участниках этого дела.

«Иваново, – пишет Долгорукий, – ... место государственное по своим изворотам торговли и богатству. Почти от одних переводов денежных получает до четырёх тысяч доходу. Тут поселено с деревнями 4 тысячи душ, несколько церквей, каменных зданий до 50 с лишком, фабрик различных множество... Такое огромное богатство и почти баснословное, ибо оно между крестьянами выше всякой арифметической прогрессии, занимало моё любопытство неусыпно. Я разыскивал его источники и думал, что не без основания носится молва, будто фальшивые ассигнации положили издавна начало расширенной торговле в этом селении. Верю, что преступников иногда ловили, но... мелочь наказывали, а самих злодеев юстиция не достигала, то и немудрено, что подобное зло от году укоренялось. Самые заведения представляли большие удобства к искушению. Без форм нельзя набивать полотен, формы надобно резать. Искусные резчики вместе с узорами выдeldывали пальмовые доски для бумажек. Таким образом, главная масса богатств в Иванове и даже в Шуге, думать можно, истекала из сего рукоделия... В Иванове нет середины – или нищий или богач. Новое доказательство, что благосостояние... жителей более происходит от способов сокровенных, нежели от общих средств доставать деньги... Около каждого богатого дома можно счесть до двухсот хижин...»

В тех же записках Долгорукий сообщает, что в начале 1808 г. в Иванове, «где по справедливости давнишнее крылось гнездо подобных преступлений, чиновники полиции городской и земской, открыв вместе важного делателя ассигнаций, прислали ко мне весь его станок и кучу фальшивых бумажек».

Началось дело, – и, как свидетельствует Долгорукий, был «связан и предан суду такой преступник, который бывал в разных приводах по другим гу-

берниям и даже в Москве, и везде отпускали домой по недостатку ясных доводов». Этим изворотливым преступником оказался известный ивановский фабрикант Бурылин. «А он, – восклицает Долгорукий, – имел дома, фабрику и пользовался капиталом, доходящим не по молве, а по существу его приобретений до двухсот тысяч».

Губернатор, указывая «сокровенные способы» обогащения ивановских фабрикантов, возможность которых отвергать нельзя, не видел самого главного источника – эксплуатации фабрикантами рабочих и крестьян.

Сельское хозяйство, крестьяне и рабочие. Характеризуя Иваново первой половины XIX в., Я. П. Гарелин писал: «Всё население Иванова превратилось... из землепашцев в фабричных рабочих; почти каждый дом представлял собою маленькую ткацкую, так как большая часть женщин занималась дома тканьем миткаля, причём девочки-подростки приготавливали цевки; взрослые мужчины целый день на фабрике набивали (печатали) ситцы, а мальчики от 12–15 лет растирали для них краски (штрифовали); только старики и старухи занимались почти исключительно хозяйством».³⁵

В журнале «Московский телеграф» за 1826 г. сообщалось об Иванове: «Земледелие здесь в посредственном состоянии, потому что жители более находят пользы в тканье миткалей... Недостаток хлеба дополняется привозом из ближайших мест. Огородные же растения – лук, огурцы и прочее привозятся в село Иваново через 76 вёрст, из города Суздаля. В этом отношении заметна странность: здесь городские жители снабжают поселян земными произведениями».³⁶

За богатством и роскошью ивановских фабрикантов стояла жесточайшая эксплуатация ими рабочих на предприятиях и ткачей, рассеянных по светёлкам Иванова и окрестных деревень. В Иванове и Ивановской вотчине (окрестных деревнях) были уже потомственные рабочие. В 1806 г. крестьянин деревни Полежаева, Ивановской вотчины, Потап Тупиков подал прошение в Московскую домовую канцелярию графа Шереметева с просьбой о переводе его усадьбы из деревни в Иваново. Свою просьбу Тупиков мотивировал тем, что «к хлебопашеству я незаобыкновенен, в показанной же деревне нашей имеются точию два двора, то во всём претерпеваем великую нужду... А мастерства более я не имею, как-то изобучился фабричному мастерству, тканью миткаля, и дети мои приобучаются тому же мастерству».³⁷

Как и на полотняных мануфактурах XVIII в., рабочие ивановских «фабрик» набирались из оброчных крепостных села Иванова и окружающих деревень, они были «вольнонаёмными», но фактически положение этих «вольнонаёмных» на предприятиях приближалось к положению крепостных.

Фабриканты широко практиковали закабаление рабочих разными путями и, в частности, путём взятия на себя уплаты оброка помещику.

Один из договоров 1815 г. между крестьянами-набойщиками и фабрикантом Бурылиным так рисует реальные условия работы на ивановских фабриках того времени: «Обязались мы у него, Бурылина, при его набоешной фа-

брике набивать самым лучшим мастерством впредь на один год... в течение сего времени жить нам у него, Бурылина, в добром поведении и во всяком послушании, а в работе наблюдать всякую чистоту, в противном случае повинны мы за нашу в работе неисправность законному наказанию; не дожившись срока, нам от него, Бурылина, на другие фабрики не сходить и до вотчинного правления никаких хлопот не доводить, без воли хозяйской домой никому не уходить и дома без его позволения не проживаться; за непослушание же наше или за неисправную работу волен хозяин сослать, кого захочет; товар же в работу принимать со счётом, равным образом и отработанный отдавать со счётом же; паче же чаяния нашим нерадением и несмотрением случится пропажа из-под нашему присмотру, то повинны мы заплатить ему, Бурылину, беспрекословно по состоящим ценам, но и весь инструмент, принадлежащий мастерству нашему, наблюдать от повреждения и пропажи, за работу же нашу получать по выработке, а именно: за ситцы цветные разных сортов по 1 руб. 80 коп. за штуку, за платки большие цветные и малые по 3 руб. за штуку, за платки розовые и им подобные по 2 рубля за штуку...»³⁸

Под договором подпись пяти крестьян.

«Наказания», о которых идёт речь в договоре, нередко проводились непосредственно самими фабрикантами. По доносу крестьянина В. Бабурина (1803 г.), подтверждённому специальной ревизией, компаньон фабриканта Грачёва Корноухов «у себя на заводе бил приписного работника»... «выдрав ему половину головы волосья и руку отшиб», избитый вскоре умер. Сельская власть, находившаяся в руках богачей, оставила этот случай без последствий.

Известен и другой случай, когда тот же Корноухов «прибил безвинно» крестьянина Шехнина, посланного к нему за получением долга. На жалобу пострадавшего представитель сельской власти – выборный ответил: «мало де бил его Корноухов». Вызванный для объяснения по этому делу на сход фабрикант Грачёв «оказывал наглость, переругал всех первостатейных крестьян весьма похабно и кричал: «просите, где хотите, я не боюсь».

Само графское управление на основании фактов о зверствах Грачёва и Корноухова вынуждено было признать, что «из сего означается лютость, с какой содержатели фабрики поступают с подвластными им крестьянами, равномерно видно при сем же и потачка фабрикантам от вотчинных начальников». О преступлениях фабрикантов вынесено очень характерное постановление: «Дело в том зачинять нет поводу, а предать правосудию божьему, рано или поздно за злодеяние наказующему».³⁹

Договорное условие не уходить с «фабрики» без согласия хозяина не являлось пустым словом. В 1803 г. ивановский крестьянин Гурей Буланов (он же Латышев) подписал «договорное письмо» «в том, что договорился я, Буланов, с ними, Ямановскими, впредь на один год на собственной их фабрике набивать разного звания ситцы... без воли их самовольно не уходить и быть во всяком послушании...» Когда Буланов, увидев, что Ямановский его обсчи-

тывает, ушёл к другому хозяину, Ямановский обратился к приказчику графа Шереметева, и тот «определил» «наказать» его (Буланова) «розгами при собрании прочих фабрик Ямановского работников, дабы им не было повадно и в страхах произошло».⁴⁰

Ко второй четверти XIX в. заработная плата рабочих снизилась. Месячный заработок набойщиков от 1810 г. к 1830 г. упал с 12–20 руб. серебром в месяц до 8–15 руб.

Оплата ручных ткачей, работавших на ивановских фабрикантов, упала с 6 руб. серебром до 4 руб. 50 коп. Женщины на фабриках зарабатывали от 1 руб. 50 коп. до 2 руб., мальчики – от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. в месяц. В то же время жизнь дорожала: цена пуда ржаной муки в Иванове увеличилась к 1830 г. более, чем в два раза.⁴¹

Обстановка работы в мастерских ситценабивных фабрик была чрезвычайно тяжёлой. Вот как описываются условия работы в набойной мастерской: «Набивные мастерские... представляют для набойщиков не только душные помещения, но и такие, где с первого входа резко замечается, что находящиеся там люди питают своё дыхание совершенно другим газом, чем атмосферный воздух... В мастерских... в обильном количестве отделяются уксусные газы и пары от набиваемых составов и красок. Эти испарения так заражают воздух в мастерской, что непривыкшему к такой едкой атмосфере трудно удержаться от слёз и кашля, которые сопровождают посетителя и на открытом даже воздухе... Многим покажется неправдоподобным, чтобы в этой кислой, едкой атмосфере при 28° по Реомюру в набивной мастерской возможно было бы работать; но истина, хотя и горькая, должна быть высказана и со всеми её губительными последствиями... Над таким кислым составом, налитым на штрифовальный круг, сидит штрифовальщик 12 или 15-летнего возраста и, растирая ежеминутно кистью краску, возобновляет также скоро и поверхность испарения уксуснокислого газа; следовательно, при каждом дыхании его входят самые сильные полёты этого газа; набойщик подлечит равной участи; но он уже взрослый мужчина, привыкший к подобной атмосфере, а мальчик от 12 до 15-летнего возраста, очевидно, сидит над медленною своей отравой и ожидает времени, пока она на него столь сильно подействует, чтобы он мог только выбежать из мастерской. В дополнение на нём нет нижнего платья, он его сбросил от несносного жара в мастерской, и только одна чёрная запачканная рубашка прикрывает сухое, изнурённое тело мальчика... Сотни набойщиков страдают повреждением лёгких, и зачастую, этот первый гонитель и враг жизни набойщиков, не преминет оказать этим труженикам... скорый путь к могиле... Редко таковые (набойщики) доживают до 35 лет».⁴²

Жилищные условия ивановских рабочих и всей массы населения были исключительно тяжелы. Обыкновенное устройство крестьянского дома было таково: передняя изба, сени и «задняя горница», которая строилась, как правило, без печи. В «передней», где очень много места занимала печь, жило

всё семейство, из скольких бы человек оно ни состояло. «Горница», или «холостая», служила местом склада различных предметов, необходимых в хозяйстве, а в летнее время для приёма гостей. У каждого окошка в жилой избе стоял ткацкий станок, на котором работали женщины. Тут же в избе на зиму помещали мелких домашних животных... под печью обыкновенно помещались куры.

Иллюстрацией материального положения ивановской бедноты может служить опись 1801 г. имущества крестьянина И. Д. Красильникова, семья которого состояла из жены и троих малолетних детей. У Красильникова – «Гизба передняя небольшая новая, при ней ветхие сени небольшие ж и горница, покрыто всё ветхой дранью»; в «передней избе» находится один «стул деревянной осиновой», из платья – «шуба баранья, поношенная, халат суконный синий, ветхий, 2 сарафана крашениных, шубка крашениная ветхая, 2 шляпы коровьих худые, халат набоечный детский, 3 подушки ветхие с охлопками».⁴³

Питались ивановские рабочие и крестьяне скудно. Повседневную пищу составляли – чёрный хлеб, серые щи без приправы, варёный горох, пареная репа или бушма, редька и гречневая каша. Рабочие, приходившие из соседних деревень, часто неделями оставались без горячей пищи, довольствуясь квасом да чёрным хлебом.

При таких условиях жизни рабочих большое значение приобретал кабак, чему всячески способствовало царское правительство. Кабак появился в селе в начале XVIII в. Одна из улиц в селе (современная улица имени Степанова) так и называлась «Кабацкой».

Народное образование в селе находилось в зачаточном состоянии. В 1791 г. на средства жителей села открылась школа грамоты. В 1815 г. церковным дьячком было открыто приходское училище. В документах имеется указание на существование в 1821 г. трёх училищ. Жалкое положение этих школ признал даже директор училищ губернии, который в 1819 г. писал, что он «усмотрел ивановских учителей диакона Иванова и дьячка Петрова в положении, званию их непристойном, а успехи в учении весьма слабые».⁴⁴

Не лучшим было и распространённое в Иванове частное обучение раскольничьими «начётчиками» и «начётчицами». Учение начиналось с церковной азбуки, на которую уходило около года, а затем приступали к «Часослову», завершал образование «Псалтырь» («Часослов» и «Псалтырь» – церковные книги).

Необходимо, однако, отметить, что в семьях ивановских богачей стал проявляться интерес к культуре, некоторые получали столичные газеты и журналы.

Волнения крестьян-рабочих. Проявлением классовой борьбы были пожары, «разбои», а также побеги крепостных. Домовой канцелярией Шереметевых издавались специальные приказы о поимке беглых. За побеги и укрывательство грозили суровыми наказаниями. За укрывательство бегло-

го – штраф (100 руб. с крестьян первой статьи, 50 рублей – с крестьян второй статьи и 20 руб. с крестьян третьей статьи). С 1807 г. за укрывательство стали наказывать телесно. Запрещалось также крестьянам под страхом телесных наказаний «привечать» у себя «чужевотчинных», которые могли оказаться беглыми,⁴⁵ об этом говорит такая расписка: «1807 г. мая 18 дня села Иванова вдова Екатерина Степановна Самохвалова дала сию подписку в том, что находилась у неё в доме солдата чужевотчинная и чтобы впредь таковых людей в доме своём не содержала».

Одно из первых массовых выступлений происходило в 1824–1827 гг. Во владении «фабриканта» Ямановского находились купленные им на имя графа Шереметева крестьяне. С ликвидацией части предприятия в 1824 г. 109 мужчин и 137 женщин Ямановский продал помещику Маркову. Официально продажа была произведена от имени графа Шереметева, Ямановский выступал доверенным Шереметева.

Крестьяне отказались признать нового владельца. В сентябре 1824 г. восемнадцать человек из проданных Ямановским отправились в город Владимир и подали губернатору прошение, в котором просили освободить их «от рабства неизвестного им помещика Маркова и особливо крестьянина Ямановского». В прошении крестьяне указывали, что они «находились во услужении у того Ямановского на фабриках, словом сказать, во всяком изделье так, как крепостные, и проживали в собственных его казармах».

Характеризуя отношение к ним Ямановского, крестьяне писали, что он «делает немалые стеснения и похваляется чрез уполномочие своё якобы за послушание наше годных продажею в рекруты, а негодных наказанием...»

Посланным для следствия членам Шуйского уездного суда в сентябре 1824 г. двадцать два человека заявили, что на переселение в село Воскресенское к помещику Маркову они не согласны.

При допросе в марте 1826 г. один из крестьян – Смуров, которого документы называют «главным бунтовщиком» и «возмутителем», заявил шуйскому уездному исправнику, что он, Смуров, «лучше согласится быть на поселении или в ссылке, чем повиноваться и принадлежать Маркову».

На следствии выяснилась интереснейшая черта положения волновавшихся крестьян: они уже полностью оторваны от земледелия, «хлебопашества своего не обрабатывали, а находились всегда на фабричной работе», у них появилась уже «отвычка от хлебопашества».

Шуйский уездный суд 28 ноября 1824 г. постановил: «крестьян, яко более всех склонных к возмущению Кирилла Никитина, Александра Васильева, Терентия Фёдорова» отдать на военную службу, а если же они окажутся к ней негодными, сослать на поселение. Тот же суд 13 мая 1826 г. постановил крестьян Осипа Гаврилова и Василия Иванова наказать кнутом по десять ударов и, «как главных возмутителей прочих крестьян и безнадёжных притти уже в повинование Маркову... сослать на поселение в Сибирь безвозвратно».⁴⁶

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в. М.–Л., 1935, стр. 271.
2. Там же, стр. 302.
3. Там же, стр. 304.
4. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 161–163.
5. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры в XVIII в. 1935, стр. 203.
6. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 163–164.
7. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры в XVIII в. 1935, стр. 262.
8. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 165.
9. Н. Н. Дмитриев. Первые русские ситценабивные мануфактуры в XVIII в. 1935, стр. 307.
10. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 186.
11. Госархив Ивановской области. ОДФ. Д. Г. Бурылин – иваново-вознесенский фабрикант, оп. 1, д. 258, л. 6–11.
12. Там же, д. 259, л. 1–9.
13. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 194.
14. Статистическое обозрение состояния Владимирской губернии в 1817 г., стр. 16–17. Владимирский историко-статистический сборник, Владимир, 1869.
- 14а. «Московский телеграф» № 17, 1826, ч. XI, стр. 113.
15. Госархив Ивановской области. ОДФ. Фабрика Ямановского, оп. 1, д. 10.
16. Госархив Владимирской области. ОДФ. Канцелярия владимирского губернатора, оп. 3, д. 48.
17. И. Е. Несытов. Колеристы и набойщики Владимирской губернии, стр. 44, 65. Владимирский историко-статистический сборник. Владимир, 1869.
18. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 186.
19. И. С. Аксаков. Украинские ярмарки. М., 1887, стр. 51.
20. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519, 520.
21. «Московский телеграф» № 17, 1826, ч. XI, стр. 112–114.
22. Коллекция Ивановского областного краеведческого музея.
23. Госархив Ивановской области. ОДФ. Шуйское уездное казначейство. Ревизские сказки.
24. Журнал Министерства внутренних дел. 1854, май, стр. 2–3.
25. ЦГАДА, фонд № 1287, оп. 5, ч. 3, д. 8.
26. П. М. Экземплярский. Село Иваново в начале XIX в. Труды Иваново-Вознесенского губернского общества краеведения, 1923, стр. 165.
27. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 110–112.
28. Записки историко-бытового отдела государственного русского музея. Т. I, 1928, стр. 237.
29. «Русский архив», 1898, кн. VI, стр. 196. «Памятная книга крестьянина села Иванова А. Ф. Полушина».
30. К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, изд. Останкинского дворца-музея, стр. 106.
31. ЦГАДА, ф. № 1287, оп. 5, ч. 1, д. 21. «Книга о наказаниях».
32. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. I, стр. 121.
33. «Московский телеграф» № 24, 1827, ч. XVIII (К. Б. «Нечто о селе Иванове»), стр. 162–164.
34. Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 105.
35. Там же. Ч. 1, стр. 41.
36. «Московский телеграф» № 17, 1826, ч. XI, стр. 114–115.
37. История пролетариата СССР. Сб. 4 (20), 1934, стр. 17.
38. П. М. Экземплярский. Село Иваново в начале XIX в. «Труды Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения», 1923, вып. 1, стр. 167–168.
39. Записки историко-бытового отдела государственного русского музея, т. I, Л., 1928, стр. 236–237.
40. История пролетариата СССР. Сб. 4 (20), 1934, стр. 12.
41. Госархив Ивановской области. ОДФ. Я. П. Гарелин – иваново-вознесенский фабрикант,

- оп. 1, д. 4-е.
42. И. Е. Несытов. Колеристы и набойщики Владимирской губернии, стр. 68–72. Владимирский историко-статистический сборник, 1869.
  43. Записки историко-бытового отдела государственного русского музея, т. I, Л., 1928, стр. 188–190. А. Степанов. Описание имущества крестьян села Иванова.
  44. Госархив Ивановской области. ОДФ. Шуйское четырёхклассное училище, оп. 1, д. 22.
  45. Госархив Ивановской области. ОДФ, ф. 10, д. 13, л. 63.
  46. Госархив Ивановской области. ОДФ. Шуйский уездный суд, оп. 1, д. 689.